M.S. Narikbaev atyndağy
KAZGUU
Universiteti
Құқық жоғары мектебі
010000, Қазақстан
Республикасы,
Астана қ., Қорғалжын тас
жолы, 8,
Т.: 8(7172)703022
e-mail: kls@kazguu.kz

Высшая школа права
Университета
КАЗГЮУ имени М.С.
Нарикбаева
010000, Республика Казахстан
г. Астана, шоссе Коргалжын, 8
Т.: 8(7172)703022
e-mail: kls@kazguu.kz

M. Narikbayev KAZGUU U niversity
Law School
010000, Kazakhstan, Astana c.,
Korgalzhyn highway, 8
T.: 8(7172)703022
e-mail: kls@kazguu.kz

Протокол заседания
Комитета по науке
Высшей школы права
№ 78

30 октября 2026 года

Присутствовали: Абрасулова Г.Э., Абылайұлы А., Ахмади М.А., Бевзенко Р.С., Дидикин А.Б., Ешниязов Н.С., Жұмағали А.Қ., Котерлин О.Р., Лозовая О.В., Лютов Н.Л., Мельник Р.С., Оглезнев В.В., Оразбаева А.А., Пекораро А., Полумордвинов О.И., Сабдин А.К., Смагулова А.С., Хамзин Е.Р., Хамзин У.М., Хасенов М.Х.

Кворум имеется.

30 октября 2026 года состоялось расширенное заседание Комитета по науке Высшей школы права с участием представителей Департамента частного права, посвящённое предварительному обсуждению диссертации докторанта Е.Л. Бабаджанян на тему «Юридическая природа и последствия одностороннего волеизъявления». Председательствующий ознакомил участников с порядком заседания и предоставил слово докторанту.

Докторант Е.Л. Бабаджанян:

Здравствуйте, уважаемые коллеги! Благодарю всех, кто пришел на заседание, в особенности членов комитета и его расширенного состава.

Тема моей диссертации – «Юридическая природа и последствия одностороннего волеизъявления». Пять лет назад эта тема была переутверждена в том же составе, и с этого началась новая для меня работа. Ранее с односторонними волеизъявлениями я сталкивалась в рамках предыдущего исследования, посвященного завещанию. Работа над темой показала, что две статьи Гражданского кодекса, посвященные односторонним сделкам, не решают того круга проблем, который удалось выявить за эти пять лет.

В научной и учебной литературе одностороннее волеизъявление и односторонняя сделка, как правило, отождествляются. Говоря об односторонней сделке, цивилист имеет в виду волеизъявление конкретного лица, а говоря об одностороннем волеизъявлении, – одностороннюю сделку. Между тем категория волеизъявления заслуживает самостоятельного сопоставления с положениями Гражданского кодекса.

Статья 147 Гражданского кодекса определяет сделку через действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В учебной литературе признаки сделки обычно раскрываются так: это действие физических и юридических лиц, направленное на

определенный правовой эффект, то есть на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Однако в ходе исследования выявлен ряд случаев, когда действия физических и юридических лиц, направленные на определенный правовой эффект, сделками назвать нельзя. Например, собственник уничтожает свою вещь, не совершая при этом ничего противоправного. Он желает, чтобы вещь перестала существовать; его права на вещь, прежде всего право собственности, прекращаются, и его действия, по-видимому, направлены на прекращение этих прав. Можно ли назвать такие действия сделкой? Нет, поскольку в них отсутствует волеизъявление. Отсюда вопрос: какие положения о сделках можно распространять на такие действия, а какие нельзя.

Это не единственная проблема, и важно показать, с чем эти проблемы связаны. Понятие сделки появилось в цивилистике сравнительно недавно – 200–300 лет назад, тогда как самой цивилистике более двух тысяч лет. Основные достижения цивилистической науки восходят к римскому праву, но категория сделки римскому праву известна не была. Она появилась в учениях немецких пандектистов, которые разработали пандектную модель гражданского кодекса и объединили под общим названием «сделка» ряд различных волеизъявлений, порождающих правовой эффект. Такое обобщение удобно для регулирования.

Но как сложились общие положения о сделках? Если оставить в стороне статьи 147 и 148 и обратиться к нормам о форме сделки, об основаниях и последствиях недействительности и к другим общим положениям, нетрудно увидеть, что они выведены из практики по договорам. Общие положения о сделках хорошо подходят для договора, но к односторонним сделкам применяются с трудом и не всегда удачно.

Возьмем условные сделки. Насколько статья 150 в действующей редакции применима к уведомлениям, извещениям, согласиям, отказу от договора? Право на отказ порождается самим договором, но его осуществление представляет собой одностороннюю сделку. Условным завещаниям, к счастью, посвящена отдельная статья.

Те же вопросы возникают применительно к односторонним волеизъявлениям, вторгающимся в автономию воли другого лица. Пример – уведомление об отказе от договора, право на который предоставлено договором, а иногда и законом. Предполагается, что с момента передачи уведомления средству связи, пусть даже в последний час последнего дня срока, риски, связанные со своевременностью его получения, закон переносит на другую сторону. Между тем таким уведомлением отправитель вторгается в автономию воли адресата. Насколько это оправданно с точки зрения частного права, в котором автономия воли является центральным началом построения гражданско-правовых отношений?

Кроме того, гражданское законодательство Казахстана не восприняло деление сделок ни на интервентные и неинтервентные, ни на рецептивные и нерецептивные. Между тем эта классификация имеет не только теоретическое, но и практическое

значение. Приведу пример. Одно и то же по своей природе волеизъявление – уведомление о расторжении договора – по-разному оценили два суда. Алматинский городской суд указал, что уведомление не является сделкой и общие положения о недействительности сделок к нему неприменимы. Актюбинский областной суд, напротив, признал уведомление односторонней сделкой и по статье 157 Гражданского кодекса признал его недействительным как не соответствующее законодательству.

Можно возразить, что это частные случаи. Однако выборка судебных актов с 2022 года по май 2026 года включительно показала, что нормы применяются хаотично и непоследовательно. Вопреки ожиданиям, таких дел оказалось немало: уведомления оспаривают, особенно субъекты предпринимательства. Представьте: арендатору направлено уведомление о прекращении договора аренды, оно до него не дошло, он продолжает пользоваться имуществом, а затем к нему предъявляют претензии и иски в связи с пользованием чужим имуществом. В длящихся договорах это может повлечь неблагоприятные последствия для сторон. Следовательно, проблема заключается не в судах, а в самом Гражданском кодексе.

В целом выделено семь основных проблем регулирования односторонних волеизъявлений.

Первая – понятие сделки. Закон раскрывает сделку через действие, тогда как сделка представляет собой не действие, а волеизъявление. Это сказывается, в частности, на практике по наследственным делам. Близкие родственники, как правило, живут в одном доме. После смерти наследодателя наследник подает заявление об отказе от наследства. С такой ситуацией я столкнулась сама: я намеревалась отказаться от наследства в пользу родного брата, но мне сообщили, что отказ уже невозможен, поскольку наследство принято. Заявления о принятии наследства я не подавала; принятие усмотрели в фактических действиях – проживании в доме наследодателя, владении и пользовании им.

Анализ практики показывает, что даже кредиторы наследодателя обращаются в суд с требованием о понуждении к оформлению наследственных прав лиц, которые продолжают жить в доме наследодателя или пользоваться его вещами, исходя из презумпции принятия наследства. Однако центральный элемент сделки – свободное выражение воли, направленной на правовой эффект. Воля может выражаться и в действиях, но важно, чтобы она была направлена на определенное юридическое последствие. Практика это упускает, следуя формальному определению сделки.

Вторая – воля и волеизъявление: их соотношение в структуре односторонней сделки и вопрос приоритета. Воля – внутренняя составляющая, побуждающая лицо к действию, которое ведет к правовому эффекту. Волеизъявление – внешняя составляющая: воля становится доступной определенному или неопределенному кругу лиц. В целях правовой определенности правовые последствия связываются с внешней составляющей, поскольку она формализует и фиксирует завершающий этап

формирования воли. Однако внешнее выражение воли может не соответствовать внутренней воле, и в зависимости от причин такого расхождения можно говорить о пороках, влекущих недействительность. Этим категориям посвящена отдельная часть работы.

Третья – момент и место наступления правового эффекта. Для рецептивных сделок, требующих восприятия адресатом, местом совершения предлагается считать место получения волеизъявления адресатом, а для нерецептивных – место совершения волеизъявления. Это имеет значение для определения применимого права.

Четвертая – границы сделки. В законодательстве нет критериев, позволяющих отграничить одностороннюю сделку от сделкоподобного сообщения. Не определена и природа решения собрания. Является ли оно сделкой, и если да, то какой? Договором – скорее нет: согласованного волеизъявления всех участников здесь нет. Односторонней сделкой? Этот вопрос требует обсуждения. Или это особая разновидность многосторонней сделки?

Неудачно с правовой точки зрения изложены статьи 373 и 506 Гражданского кодекса. После реформы 2017 года прощение долга стало односторонней сделкой, хотя в зарубежных правопорядках это, как правило, договор – разновидность дарения, если нет встречного предоставления. Ни дарение, ни прощение долга нельзя относить к односторонним сделкам: иначе одна сторона договорных отношений навязывает другой свое решение.

Есть и несогласованность с антикоррупционными положениями Гражданского кодекса, запрещающими дарение определенным категориям лиц, за исключением подарков стоимостью до 10 МРП. В работе приведен гипотетический пример: чтобы обойти запрет, можно продать квартиру в рассрочку, получить символическую часть цены, а затем простить долг. Другая сторона, даже добросовестная – подчиненный, пациент, обучающийся, – повлиять на это не может: ее отказ не будет иметь правового эффекта, хотя по существу это предоставление, для которого должно требоваться ее согласие.

Наконец, оферта и акцепт: следует ли признавать их односторонними сделками, или же в них есть элементы волеизъявления, но сделками они не являются? Этот вопрос исследован в работе, а результаты отражены в положениях, выносимых на защиту.

Пятая – соотношение сделки и договора. Пандектная техника сочетается с отсылками к нормам о договорах, о чем уже говорилось, и соотношение этих массивов норм не прояснено. Неясно, в частности, применимы ли к односторонним сделкам положения об условных сделках.

Шестая – статья 158 Гражданского кодекса об оспоримости незаконной сделки. Незаконная сделка оспорима, а значит, интервентная сделка, совершенная без правового основания, действует до решения суда. Интервентная сделка – это сделка, вторгающаяся в автономию воли другого лица. Зачастую такие сделки основаны на договоре: одной из

сторон предоставляется право в одностороннем порядке изменить или прекратить правоотношение, например отказаться от договора при просрочке оплаты в течение двух месяцев, направив письменное уведомление в установленный срок. Предположим, такая сделка совершена с пороками, предусмотренными статьей 158. Если применять пункт 1 статьи 158 к односторонним сделкам без изменений, сделка, вторгающаяся в автономию воли другого лица, будет действовать, пока ее не признает недействительной суд. При этом не защищен адресат, который знает о пороке – отсутствии согласия или полномочия, ошибке, обмане, – но не знает, будет ли сделка оспорена и как ему поступать, если не будет.

Седьмая – согласия и их отзыв. Об условиях уже сказано. Проблему согласий подняла, если не ошибаюсь, Республиканская нотариальная палата еще в 2017 году. Какова правовая природа согласия и его отзыва? Можно ли считать согласие односторонней сделкой, и если да, то допустим ли его отзыв? Будет ли отзыв иметь правовой эффект, если такое право прямо не предусмотрено Гражданским кодексом? Доверенность можно отменить, поскольку это прямо предусмотрено Кодексом. Завещание также можно отменить по прямому указанию закона. Возникает вопрос: если законодатель исходил из свободы отзыва или отмены, почему она предусмотрена лишь для отдельных односторонних сделок? Именно этот вопрос стоял перед нотариальной палатой: для согласий отзыв прямо не предусмотрен. Можно ли их отозвать и будет ли отзыв иметь правовое значение?

Эти проблемы, уважаемые коллеги, и рассматриваются в диссертационном исследовании. Исходя из них сформулирована цель работы, которая представлена на слайде. Путь к ее достижению таков: сначала рассматриваются правовая природа и классификация односторонних волеизъявлений, а основное содержание работы составляют вопросы их правового режима.

Помимо научных работ, в исследовании использованы судебная практика и сравнительно-правовой материал.

Перейду к научной новизне. Тема достаточно разработана; все источники я разделила на шесть категорий. Среди них работы об учении о сделках и волеизъявлениях в целом, работы о воле и волеизъявлении, их содержании и соотношении, работы об односторонних сделках как институте, их отграничении от смежных конструкций и их недействительности.

Что не было сделано? Во-первых, ни по одной из этих позиций не анализировалось гражданское законодательство Республики Казахстан. Казахстанских источников в работе использовано немного, но изучены все доступные: на обозначенных проблемах казахстанская доктрина не останавливалась. Не решался вопрос о том, какой режим применим к односторонним сделкам в Казахстане; не исследовались и модели их правового регулирования. Во-вторых, в изученных работах рецептивные и нерецептивные, интервентные и неинтервентные сделки

рассматриваются применительно к отдельным вопросам – моменту наступления эффекта, свободе совершения, условиям. В диссертации оба признака последовательно применены ко всем вопросам правового режима. В-третьих, воля и волеизъявление изучались применительно к сделкам в целом; в работе показаны особенности их соотношения в односторонних сделках в зависимости от вида сделки. Кроме того, критерии разграничения и режим решений собраний адаптированы к казахстанскому праву. Казахстанская доктрина касалась односторонних волеизъявлений фрагментарно, поэтому настоящее исследование, насколько мне известно, является первым комплексным исследованием односторонних волеизъявлений.

Далее – о значении разграничения сделки, сделкоподобного сообщения, реального акта и иных смежных конструкций. На слайде первый круг охватывает то, что сегодня можно называть сделками: односторонние сделки и договор; решения собраний по результатам исследования также отнесены к сделкам.

Председатель Комитета А. Абылайұлы:

Регламент – 20 минут. Давайте перейдём ко второй стадии – вопросам и замечаниям. Можно начинать, пожалуйста.

Член Комитета по науке Н.Л. Лютов:

Интересная, хорошо читающаяся работа. Понятно, что есть частности, но я не буду уходить в них – скажу о том, что касается общих диссертационных вещей, которые явно стоит доработать.

Сначала о том, как сформулирована новизна. Она сформулирована как «исследование чего-то». Исследование – это не новизна, это процесс; новизна представляет собой результат. Это очень частая ошибка – помню, в моей собственной диссертации была та же, поэтому советую не спотыкаться на том же самом. Нужно показать, чем исследование обогащает доктрину. Исследование – это то, что вы делали, а из него уже вытекает новизна. Здесь буквально одним-двумя предложениями надо чётко сформулировать самую суть положений, которые идут дальше.

Докторант Е.Л. Бабаджанян:

Можно уточнить, правильно ли я поняла? Первая часть – «настоящая работа является комплексным исследованием юридической природы…» – не подходит. А вторая – «новизна состоит в том, что классификационные признаки рецептивности и интервентности, выработанные доктриной, положены в основу сквозного решения вопросов казахстанского права о моменте наступления эффекта, свободе…» – это новизна. Останется ли ваше замечание актуальным, если мы от первой части откажемся и оставим только вторую? Или нужно что-то дописать?

Член Комитета по науке Н.Л. Лютов:

Подумайте, вам виднее, насколько второе предложение охватывает все положения на защиту – может, ещё что-то будет выигрышным. И в первом меня ещё зацепило вот что – и это надо просмотреть дальше по всем положениям: вы говорите про казахстанскую цивилистику, при этом сами говорите, что казахстанской цивилистики по теме немного. А мы ведь доктриной сейчас и занимаемся. Я бы прошёлся по всем положениям и посмотрел, чтобы вы себя не привязывали к тому, что говорите что-то новое узко про казахстанскую цивилистику. Можно сделать заявку на более глобальные вещи: пусть подходы к гражданскому праву в разных правопорядках разные, но в нашем регионе они, наверное, довольно похожи, и что-то из этого универсально. Не занижайте свой результат формулой «впервые для Казахстана», потому что, наверное, не только для него. То есть даже если вы убираете первое предложение из новизны, пройдитесь по всем положениям и посмотрите: что новое для Казахстана, а что новое вообще.

Дальше – сами положения. Вы начинаете с довольно частного, а дальше у вас идут теоретические положения про деление волеизъявлений – их я бы поставил вперёд. Первое положение выглядит очень частным: вы начинаете просто с критики конкретной статьи Гражданского кодекса, а это точно не самое главное. Важно то, что есть понятие сделки, а не неудачность статьи 147 ГК. Тем более мы недавно выяснили, что, судя по всему, Гражданскому кодексу недолго осталось жить. Поэтому положения, выносимые на защиту, надо строить как доктринальные, носящие длящийся характер, – иначе будет обидно. Даже если бы он продолжал существовать ещё 30 лет, сначала должны идти теоретические, доктринальные положения – скажем, «я переосмыслила понятие сделки», от общего к частному. А когда начинается с критики «кривобокого» определения в статье 147, это выглядит как частный вопрос. Начните с того, что понятие сделки – очень важная вещь, а из этого уже будет вытекать остальное.

Следующее моё соображение: положения на защиту получились довольно объёмными, и нецивилисту через них продраться очень непросто. Постарайтесь делать сами положения максимально короткими – два-три предложения, без обоснования: вся аргументация – в основном тексте. Просто фиксируйте, как во втором: «в тексте я обосновала…». А из этих положений дальше вытекают предложения по модификации законодательства – их можно обобщить в одном положении: «на основании сформулированных теоретических положений сделаны предложения…»; в заключении они у вас есть. Положения на защиту в диссертации PhD – это не технические правки в законодательство, а что-то более фундаментальное. Ваши технические правки – это практическая значимость, это очень важно, но они вытекают из доктринальных положений. Это можно зафиксировать в последнем положении: «на основе этих доктринальных положений я предлагаю поменять то-то в законодательстве» – это уже практический результат теоретического анализа. И соответственно поджать положения

и убрать из них разговор о конкретных статьях ГК. Это всё важно для основного текста и заключения, но не для положений, потому что вы говорите о более крупных вещах.

Докторант Е.Л. Бабаджанян:

Частные примеры убрать из положений?

Член Комитета по науке Н.Л. Лютов:

Конечно. Вам надо максимально фундаментально их показать. Это не значит, что содержательных правок и предложений по модификации законодательства в диссертации не должно быть – должно, и в заключении вы их все обобщите, но не в положениях. Положение – это «вот мой главный результат». И представьте, как будет действительно обидно: в 27–28-м году нам уже обещали новый Гражданский кодекс.

И ещё про методологию. Её надо как раз поподробнее, поконкретнее. Скажем, упоминается сравнительный анализ и то, что использованы правовые акты зарубежных государств. Постарайтесь показать, во-первых, почему именно эти страны, а во-вторых, что именно вам помог сравнительный анализ – максимально конкретно, в результатах. То же самое с судебной практикой: вы просто говорите, что она использована, это сформулировано слишком обобщённо. Покажите: анализ судебной практики помог мне сформулировать такие-то положения, – можно со ссылкой на них, компактно, но конкретно, чтобы было видно, что описание методологии неформальное. И так по всем элементам методологии. У меня всё.

Председатель Комитета А. Абылайұлы:

Как я понимаю, это были рекомендации и замечания, не требующие ответа докторанта. Докторант уже ответила. Переходим дальше. Вопросы, коллеги?

Член Комитета по науке Н.С. Ешниязов:

Наверное, моё обращение не к докторанту, а к уважаемой аудитории. Я ознакомился с текстом Естер Левоновны раньше – месяц назад она предоставила мне рабочий вариант, и я свои замечания и рекомендации дал заранее. Сегодня могу сказать, что они в принципе были приняты во внимание: по некоторым объективным недостаткам у нас сложился консенсус, ошибки устранены.

С рекомендациями Никиты Леонидовича я бы в чём-то согласился, а в чём-то нет. Во-первых, по очерёдности положений, выносимых на защиту. Насколько я понимаю, здесь Естер Левоновна идёт по хронологии рассмотрения вопросов в теле диссертации. Может быть, просто изменить содержание первого положения – оно ведь касается определения сделки: не говорить, что плохо сформулирована статья ГК, а говорить, что я предлагаю что-то фундаментальное в отношении понятия сделки. Это будет совсем по-другому выглядеть. Я сам несколько лет преподавал здесь методологию

научных исследований и обычно предлагал компоновать положения по очерёдности их рассмотрения в теле диссертации. Это можно сохранить, просто сделать формулировки так, чтобы они выглядели фундаментально.

Абсолютно согласен с Никитой Леонидовичем по поводу длины положений. Я обычно говорил, что положение, выносимое на защиту, должно быть провокационным и недосказанным. Почему? Чтобы было что защищать. Если в положении всё раскрыто и приведены основные доказательства, какой вопрос вам задаст комиссия? А если вы не доскажете – скажем, напишете, что обосновываете такой-то подход, но не скажете почему, – вас и спросят. Может быть, это несколько некорректно, но предполагается, что полное обоснование всё-таки будет в теле работы.

А вот насчёт указания статей… Да, кодексу немного осталось. И скорее всего в истории науки эта диссертация будет рассматриваться именно в ретроспективном аспекте – как она повлияла на изменения в новом Гражданском кодексе, – и читать её будут в контексте старого кодекса. И когда, например, спросят, когда в Казахстане перешли к концепции сделки как волеизъявления, а не действия, ретроспективному исследователю надо будет узнать, в какой статье Гражданского кодекса Естер Левоновна это сделала. Можно в заключении дать обобщённый перечень: что надо изменить в действующем или принять в новом кодексе в связи с моими теоретическими положениями, с чёткой привязкой: положение номер два требует таких-то изменений, номер один – таких-то. Это будет наглядно, но не в самих положениях или введении.

В целом всё. Единственное: поскольку вы в работе выдвигаете такую категорию, как сделкоподобное сообщение, и предлагаете изменить определение односторонней сделки как одностороннего волеизъявления, – требуется ли ввести в позитивное законодательство определение сделкоподобного сообщения?

Докторант Е.Л. Бабаджанян:
Думаю, его можно оставить на уровне доктрины.

Председатель Комитета А. Абылайұлы:
Спасибо. Слово следующему члену комитета.

Член Комитета по науке Р.С. Мельник:
Спасибо большое, добрый день! Не могу воздержаться от комментария к тому, что говорили о научной новизне. Наверное, вам сложно, потому что мы все представляем различные научные школы, и у нас могут быть разные взгляды на то, как это должно быть, – как было в тех школах, из которых мы вышли. Я вот нашёл украинский вариант требований к научной новизне – там совсем по-другому, и я привык к тому, что сделали вы: автор должен не просто показать полученный результат, а показать, чем он отличается от того, что уже сделано другими учёными. Это требование

к положениям научной новизны, поэтому для украинской диссертации нетипично коротко и недосказанно – это звучало бы как замечание. Это я про положения научной новизны. Вы предлагаете сократить, а я остался бы на позиции, что можно и так. Поэтому оптимальный вариант, наверное, должен найти автор.

Мой вопрос. По поводу нового ГК, если он будет приниматься, какие у вас конкретные предложения к новому кодексу? Готовы ли вы их уже завтра озвучить в контексте нового законодательства?

Докторант Е.Л. Бабаджанян:

Я готова озвучить конкретные предложения в контексте нового законодательства. Они будут касаться точечных изменений конкретных статей – как я говорила, 373, 147, 506, 176 Гражданского кодекса, – но эти точечные изменения связаны с фундаментальным переосмыслением режима односторонних волеизъявлений. Понятно, что Гражданский кодекс не будет перенимать достижения доктрины в том виде, в котором мы их представляем. Но эти достижения будут отражаться в конкретных нормах ГК – например, в той же статье 176, которая перекладывает риски на адресата интервентной сделки. По результатам исследования нормы о различных односторонних волеизъявлениях проанализированы на соответствие правильному доктринальному подходу для их переработки. Это не одна и даже не пять статей. В заключении и в тексте работы определено, какие статьи и как должны перерабатываться: это и статьи с 157 по 159, и положения Особенной части, и раздела о наследственном праве.

Член Комитета по науке М.Х. Хасенов:

Добрый день, коллеги. В целом впечатление очень положительное. Проведена действительно большая, долгожданная работа Естер Левоновны. Видно, что много лет над ней работали, накопили хороший материал. Перейду к точечным рекомендациям.

Первое – актуальность, здесь можно было чуть-чуть поработать. Даже формально по правилам присуждения степеней требуется, чтобы тема соответствовала приоритетным направлениям развития науки, государственным программам, политикам. То есть в начале нужно показать значение для государства с точки зрения госпрограмм, Концепции правовой политики, приоритетов развития науки. Эту часть надо усилить: вы во введении сразу приступаете к анализу Гражданского кодекса, и это, мне кажется, неуместно. Во введении лучше показать в первую очередь госпрограммы, приоритеты развития науки и социально-экономическую значимость. Иначе создаётся впечатление, что тема актуальна исключительно для учёных-юристов, а не для людей и общества. Естественно, со ссылками на источники, которые усилят актуальность.

По положениям на защиту я согласен с Никитой Леонидовичем: не нужно начинать со ссылок на ГК и вообще включать их в каждое положение. Я сторонник того, чтобы особенно первое положение носило концептуальный, фундаментальный

характер. Методологию я бы рекомендовал чуть расширить: показать не только, для чего использован каждый метод, но и какие результаты с его помощью получены – это усилит методологическую основу. В целом работа, на мой взгляд, написана на высоком, качественном уровне.

Председатель Комитета А. Абылайұлы:

Как уже имелось, один член комитета не поддержит другого – в этом же ключе я хотел бы поддержать докторанта по замечанию об актуальности и о том, что вы сразу начинаете с ГК. С точки зрения рынка хочу подсказать, что читателям это нравится: во введении сразу встречаешь проблему и видишь, где она кроется. Мне такой подход, наоборот, нравится.

Хочу обратить ваше внимание на пункт 1.3.1.1: текст на семи страницах – для блока с четырёхзначной нумерацией это, кажется, много. Блок заканчивается словами «проблема разграничения в судебной практике», и в самом конце, в двух абзацах, вы приводите всего четыре судебных дела. Представляется, что их нужно поднять выше и, возможно, добавить текста, потому что они выбиваются из общего объёма. В пункте 1.3.1.3 – критерии разграничения и правовой режим сделкоподобных сообщений – вы в начале не останавливаетесь на том, зачем нужны критерии и какие они есть, в чём практическая значимость и проблема, а начинаете сразу с Карапетова. Я понимаю, что он ваш руководитель, но читателю нужно сначала понять, в чём проблема: критерии недостаточны или не определены.

И ещё рекомендация по главе 1. Она написана более чем на 70 страницах – возможно, стоит подумать о том, чтобы разбить её на две главы. Диссертация – на 200 страницах, а первая глава завершается на 98-й странице; наблюдается какой-то дисбаланс. Это замечания и предложения, которые вы по итогам сегодняшнего заседания решите сами – учесть или нет.

Следующее слово предоставляем представителям Департамента частного права. Пожалуйста, коллеги, ваши замечания, предложения, вопросы.

Представитель Департамента частного права Г.Э. Абдрасулова:

Во-первых, хочется подчеркнуть достоинства диссертации. Актуальность темы «Юридическая природа и последствия одностороннего волеизъявления» высокая, и доказывать её не надо: в Республике Казахстан аналогов среди защищённых диссертационных исследований по этой теме нет. Стремление автора актуализировать эту проблему и глубоко разработать сложную, достаточно мало исследованную область научного поиска я считаю очень важным вкладом в научное достояние нашей страны. Это попытка проанализировать правовое явление с целью дальнейшей адаптации полученных результатов именно в практике Казахстана.

Далее, работа обладает достаточно высокой ценностью для практики:

недостаточное правовое регулирование односторонних сделок, как повсеместно подчёркивается в диссертации, влечёт ряд проблем, усугубляемых недостаточной юридической техникой. В итоге мы получаем неединообразную правоприменительную практику, судебные ошибки и высокий уровень субъективизма при вынесении судебных решений, что в конечном итоге отражается на защите законных прав и интересов субъектов гражданских правоотношений.

К числу несомненных достоинств диссертации можно отнести использование широкого круга научно-теоретических, эмпирических и нормативных источников и введение в научный оборот терминов, не свойственных нашему гражданскому обороту и известных только доктрине: рецептивные и нерецептивные, интервентные и неинтервентные сделки, односторонние волеизъявления, сделкоподобные сообщения.

Перехожу к небольшой критике – даже не критике, а рекомендации для Естер Левоновны; автор волен принять или не принять.

В первом положении, выносимом на защиту, содержится предложение понимать сделку как волеизъявление – или, как вы написали, совокупность волеизъявлений, направленных на установление, изменение, прекращение гражданских прав и обязанностей, – и вы утверждаете, что необходимо отказаться от традиционного критерия сделки, от её трактовки как действия. При этом автор верно отмечает, что сделка может проявляться не только в действии, но и в бездействии и молчании, и с этим надо согласиться. Но я считаю, что определение сделки исключительно через волеизъявление будет недостаточным: волеизъявление, на мой взгляд, не является самодостаточным и единственным признаком, определяющим понятие и правовую природу сделки. Волеизъявление – это основа, первичный элемент, побуждающий участников гражданских правоотношений к совершению сделок, юридически значимых действий. Волеизъявлению предшествует осознанная, сформированная внутри субъекта воля, затем воля перерастает в намерение, а намерение – в действие; волеизъявление может выражаться и без действий, в молчании. Между волеизъявлением и действием существует прямая органическая связь, которую нельзя разорвать без логических потерь. Поэтому, наверное, кроме волеизъявления надо указать ещё что-то в качестве критерия понятия сделки.

Докторант Е.Л. Бабаджанян:

Можно я сразу отвечу? Когда в работе я предлагала раскрывать понятие сделки не через действие, а через волеизъявление, я имела в виду, что выразить волю можно и действием, и бездействием, и молчанием. Но сделка – это не только волеизъявление: если это, например, договор, это может быть совокупность волеизъявлений и даже юридических фактов и иных действий. Есть договоры, где помимо выражения воли двух или трёх сторон нужно, чтобы кто-то совершил что-то по договору, чтобы договор считался заключённым. Именно поэтому в работе установлен такой порядок

определения понятия сделки, но в любом случае для сделки основное – это волеизъявление. Изъявить волю можно как действиями, так и бездействием: действие, бездействие, молчание поглощаются в нашем понимании самим понятием волеизъявления.

Представитель Департамента частного права Г.Э. Абдрасулова:

Во втором положении, возможно, стоит более чётко отразить практическую составляющую и пользу от разграничения односторонней сделки и смежных конструкций. Вы предлагаете классификацию и критерии разграничения, у этого высокая теоретическая ценность, но практическая значимость, на мой взгляд, не прозвучала – нужно чуть-чуть «притянуть» к практике. С третьим, четвёртым, пятым и шестым положениями я полностью согласна и считаю, что они соответствуют развивающейся казахстанской практике и доктрине.

И последнее. Здесь говорилось, что в казахстанской цивилистике недостаточно материала по этим сделкам, и это действительно так. Тем не менее отдельные работы выделены, и значение вклада казахстанских учёных в работе, по-моему, не принижено. Я сама поискала, в каких направлениях работали наши учёные, и не нашла: не могу сказать, что было много работ по односторонним сделкам, а разработок на уровне теоретических конструкций просто нет.

Докторант Е.Л. Бабаджанян:

Можно я сразу отвечу и по второму? Практическая значимость этого разграничения определяется пределами применения положений о сделках к сообщениям, которые сделками не являются. Если мы считаем их сделками или не обращаем на эту проблему внимания, то предполагается, что все общие положения о сделках применяются к этим конструкциям так же, как к сделке. Но если мы приходим к выводу, что есть волеизъявления, которые нельзя отнести к односторонним сделкам, – они очень похожи на сделки, но ими не являются, мы называем их сделкоподобными сообщениями, – значит, при применении каждого положения ГК о сделках мы должны осуществлять так называемую редукцию: определять, применимо ли здесь это по аналогии или неприменимо, потому что нарушает существо конструкции или что-то ещё. Именно поэтому такое деление, на мой взгляд, имеет практическое значение. В самой работе приведены конкретные примеры; в положения на защиту я это сильно включать не стала. Теперь даже не знаю, включать или нет, но вопрос мне понятен. Спасибо.

Председатель Комитета А. Абылайұлы:

Спасибо, коллеги. Есть ли ещё замечания или вопросы? Слово участнику заседания.

M.S. Narikbaev atyndağy
KAZGUU
Universiteti
Құқық жоғары мектебі
010000, Қазақстан
Республикасы,
Астана қ., Қорғалжын тас
жолы, 8,
Т.: 8(7172)703022
e-mail: kls@kazguu.kz

Высшая школа права
Университета
КАЗГЮУ имени М.С.
Нарикбаева
010000, Республика Казахстан
г. Астана, шоссе Коргалжын, 8
Т.: 8(7172)703022
e-mail: kls@kazguu.kz

M. Narikbayev KAZGUU U niversity
Law School
010000, Kazakhstan, Astana c.,
Korgalzhyn highway, 8
T.: 8(7172)703022
e-mail: kls@kazguu.kz

Представитель Департамента частного права Е.Ж. Хамзин:

Спасибо. У меня есть письменный отзыв. Например, если я написал партнёру предложение в мессенджере, он прочитал его и поставил отметку одобрения, можно ли считать это акцептом?

Докторант Е.Л. Бабаджанян:

Вы говорите об эмодзи и подобных проявлениях, которые можно или нельзя считать акцептом? Это очень интересный вопрос, и, возможно, я бы его рассмотрела, но, к сожалению, он выходит за рамки моего исследования. Научный руководитель мне рекомендовал существенно сократить даже часть про процедуру заключения договора, потому что она выходит за рамки темы, и я это всё удалила. Этому вопросу в диссертации внимание не уделялось.

Представитель Департамента частного права Е.Ж. Хамзин:

Хорошо. Всё, что нужно, я написал в отзыве. Работу в целом оцениваю сугубо положительно и рекомендую к защите.

Председатель Комитета А. Абылайұлы:

Спасибо. Слово предоставляется представителю нотариального сообщества О.И. Полумордвинову.

Представитель нотариального сообщества О.И. Полумордвинов:

Спасибо, коллеги. Вопросы, которые поднимает Естер Левоновна, важны для нотариальной практики. Мы давно сотрудничаем с ней как со специалистом. Выдача и отмена доверенностей, принятие наследства, отказ от наследства, завещания и согласия встречаются в нашей работе каждый день.

Мы работаем без инструкции: что-то написали для себя, насколько мы как практики это понимаем, и выпускаем это миллионными тиражами: больше миллиона доверенностей, под миллион согласий, отдельно наследственные дела. Было бы замечательно, если бы после защиты диссертации это можно было использовать: подвести научную базу, оценить с точки зрения науки тот объём работы, который мы проделали, – правильно ли мы делаем, – и систематизировать практику. Мы ведь стараемся превентивно, до судов, обеспечить весь гражданский оборот, и если бы мы делали это правильно, чтобы потом в суде не возникало вопросов, это было бы замечательно. Тем более актуально в свете последнего выступления Президента: если будет новый ГК, хорошо бы, чтобы эти вещи туда вошли. Да и решения собраний – это тоже наша работа, и нам нужно понимать, как с ними работать. Поэтому, коллеги, я бы убедительно просил, чтобы эта работа была защищена – она нам очень нужна. Спасибо.

M.S. Narikbaev atyndağy KAZGUU Universiteti Құқық жоғары мектебі
010000, Қазақстан Республикасы, Астана қ., Қорғалжын тас жолы, 8,
Т.: 8(7172)703022
e-mail: kls@kazguu.kz

Высшая школа права Университета КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева
010000, Республика Казахстан г. Астана, шоссе Коргалжын, 8
Т.: 8(7172)703022
e-mail: kls@kazguu.kz

M. Narikbayev KAZGUU U niversity Law School
010000, Kazakhstan, Astana c., Korgalzhyn highway, 8
T.: 8(7172)703022
e-mail: kls@kazguu.kz

Председатель Комитета А. Абылайұлы:

Слово предоставляется также онлайн-гостю Р.С. Бевезнку. У вас есть вопросы, замечания, предложения, реплики? Пожалуйста.

Приглашённый участник заседания Р.С. Бевзенко:

Коллеги, добрый день. У меня не было достаточно времени, чтобы полностью прочитать текст работы; я просмотрел фрагменты, которые меня особо интересовали с точки зрения моей специализации. Всё, по-моему, глубоко и основательно проработано на источниках.

Я, наверное, могу дать только одну рекомендацию – не знаю, Естер Левоновна, как она ляжет на ваше видение структуры работы. Мне показалось, что не хватило параграфа, который можно было бы назвать «Свобода совершения односторонней сделки». Вы пишете про свободу совершения интервентной и неинтервентной сделки, но это немножко потерялось. Знаю, что у вас есть публикация, но, мне кажется, это один из самых сложных вопросов теории односторонней сделки: насколько идея свободы договора – что мы можем заключать любые договоры, даже не предусмотренные законом как договорные типы, – ложится на теорию односторонних сделок.

Есть такой взгляд: коль скоро договор – это совпавшие волеизъявления двоих, то это замкнутая система для этих двух лиц, никого больше она не затрагивает (если речь об обязывающей сделке), и пусть там свобода договора расцветает всеми цветами – можно договориться о чём угодно, лишь бы это не нарушало запретов закона. А с односторонней сделкой – не так. Вы, по-моему, справедливо подметили, что интервентность сделки сильно подрезает свободу, потому что интервентная сделка вторгается в чужую автономию воли. А вот для неинтервентных сделок – тех, что обязывают само лицо, их совершающее, – строгий подход, запрещающий совершать односторонние сделки, не предусмотренные законом как типы, мне кажется неправильным.

В качестве примера приведён завещательный залог и поставлен вопрос о допустимости односторонней сделки, прямо не предусмотренной законом, если она не затрагивает чужую автономию воли.

Мне кажется, работу украсил бы отдельный параграф где-то в самом начале, посвящённый проблеме применения идеи свободы договора к односторонним сделкам. Тем более мы прекрасно знаем, что идея автономии воли в обязательственном, договорном праве проявляется в одном ключе, в вещном праве – в другом, в наследственном – в третьем, в корпоративном – в четвёртом и так далее. Было бы очень круто, если бы вы выделили этот вопрос в качестве самостоятельной части.

Докторант Е.Л. Бабаджанян:

Хорошо. Спасибо большое, Роман Сергеевич.

Председатель Комитета А. Абылайұлы:

Спасибо, Роман Сергеевич. Коллеги, есть ещё вопросы, реплики, несогласия? Тогда мы завершаем стадию вопросов и реплик.

Председатель Комитета А. Абылайұлы:

Переходим к третьей стадии – я озвучу позиции рецензентов и научного руководителя.

Первый рецензент в целом рекомендует диссертацию к защите и высказал следующие замечания:

1. Сформулированная автором цель выглядит как соединение воедино относительно разрозненных, но объединённых темой исследования действий, больше похожих на отдельные шаги исследования. Рекомендуется сформулировать цель как единое научное достижение.

2. Научную новизну рекомендуется сформулировать не в общем контексте, а в сравнении с тем, что уже имеется в ранее представленных работах других авторов.

3. Рекомендуется содержание всех положений, выносимых на защиту, строить на авторских результатах, а общие результаты исследования перенести либо в выводы по соответствующим разделам, либо в заключение, чтобы не отвлекать внимание читателя от сути самих положений. Также рекомендуется поработать над формулировками: например, первое положение содержит несколько действий – «обосновывается», «предлагается», «определяется».

4. Рекомендуется несколько расширить параграф 1.1.3 «Понятие одностороннего волеизъявления», поскольку это центральный вопрос диссертации, и ещё раз скорректировать соотношение отдельных подразделов в зависимости от значимости вопроса для раскрытия темы.

5. Рекомендуется построить заключение в соответствии с достижениями по каждой задаче, так как выполнение всех задач свидетельствует о достижении цели исследования.

6. Все рекомендации по совершенствованию законодательства рекомендуется вынести в приложение в виде проекта изменений и дополнений в действующий ГК РК».

В целом мы видим, что замечания в основном касаются изложения положений, выносимых на защиту, а последнее – техническое: вынести предложения в приложение к диссертации. Если есть что ответить – пожалуйста, очень коротко.

Докторант Е.Л. Бабаджанян:

По формальным моментам – определению целей и так далее – я, думаю,

позволю себе эти замечания не принять, разве что в части изложения новизны готова немного пересмотреть, как её подать. Что касается технического замечания о вынесении в отдельное приложение предложений, касающихся редакций статей, – для меня это не представляет никакой сложности, тем более что предполагаемые новые редакции в работе изложены. Я это вынесу и сделаю. Спасибо.

Председатель Комитета А. Абылайұлы:

Второй рецензент также рекомендует диссертацию к защите, но высказал следующие замечания:

«Вместе с тем предлагаем отойти от сдержанной позиции диссертанта касательно признания определённых волеизъявлений сделками. Считаем, что если волеизъявление имеет признаки сделки, то есть направлено на установление, изменение, прекращение гражданских прав, на возникновение правовых последствий, то оно должно напрямую признаваться сделкой. Например, сделкоподобные сообщения надо прямо признавать сделками с полным распространением на них регулирования о сделках.

Диссертант утверждает, что сделкоподобные действия не содержат какого-либо частного автономного регулирования, что они не продукт частной автономии воли, а продукт правопорядка: если последствие наступает непосредственно в силу закона, даже когда лицо не стремилось именно к такому результату, перед нами сделкоподобное действие. Такие утверждения вызывают вопросы: следует отличать сделки – волеизъявления, направленные на возникновение правового эффекта, – от волевых действий, которые не имеют цели возникновения правового эффекта. Последние не имеют характера сделки и не должны таковыми признаваться. В этой связи вызывает вопрос применение к ним положений о сделках и обозначение их как сделкоподобных действий.

В работе можно было бы также осветить проблему односторонних обязательственных и распорядительных сделок, учитывая неразработанность концепции таких сделок в Казахстане. При этом сам диссертант упоминает распорядительные сделки. Полагаю, что дальнейшая научная работа диссертанта может содействовать изучению данного вопроса и выдвижению практически значимых выводов».

Полагаю, что эти замечания носят материальный характер, и мы хотели бы услышать ваши ответы.

Докторант Е.Л. Бабаджанян:

Да, спасибо. По первому замечанию – что волеизъявления с признаками сделки следует признать сделками и полностью распространить на них общие положения о сделках, – я позволю себе не согласиться. Доводы приведены в работе. В ряде случаев

полное применение общих положений к сделкоподобным сообщениям не соответствует существу такого сообщения.

Второе замечание касается разграничения этих двух явлений. В работе я исхожу из того, что если направленности на правовой эффект нет, а правовой эффект возникает в силу положения самого закона, то такие действия нельзя считать сделками. Думаю, это общепризнанный подход и достигнутый в цивилистике консенсус. Сущность сделки как раз в том, что именно моя воля на правовой эффект является той самой спичкой, которая зажигает огонь, – порождает правовой эффект. Если правовой эффект возникает независимо от моей воли, только в силу совершённого фактического действия, то какая это сделка? В чём тогда роль волеизъявления? Поэтому позволю себе не согласиться.

Что касается распорядительных и обязательственных – в работе мы называем их обязывающими – сделок: это достижение доктрины важно для категории сделок в целом и большее значение, скорее всего, имеет для договоров. Односторонние сделки мы тоже по этому признаку классифицируем, но сильного практического значения из этой классификации мы не выводили. Поэтому мы их упоминаем, но тщательного анализа доктрины распорядительных и обязательственных сделок не приводим – это значительно выходит за рамки исследования. Больше скажу: сначала у меня это было, но после работы с научным руководителем мы решили это убрать, потому что выходили за рамки. Спасибо.

Председатель Комитета А. Абылайұлы:

Теперь озвучу позицию научного руководителя, доктора юридических наук А.Г. Карапетова. Остановлюсь на заключительной части отзыва:

«Разумеется, ряд сформулированных в диссертации выводов носит дискуссионный характер и может стать предметом дальнейшего научного обсуждения, однако это вполне естественно для исследования, посвящённого столь сложной и неоднозначной проблематике. В целом считаю, что диссертация Бабаджанян «Юридическая природа и последствия одностороннего волеизъявления» представляет собой самостоятельную, завершённую научно-квалификационную работу, обладающую научной новизной, теоретической и практической значимостью в контексте казахстанского права. Поставленные исследовательские задачи успешно решены, сформулированы выводы, способные внести существенный вклад в развитие науки гражданского права Республики Казахстан. Диссертация заслуживает высокой положительной оценки и может быть рекомендована к публичной защите на соискание степени доктора философии (PhD) по образовательной программе «Право»».

На этом, коллеги, мы завершаем третью, предпоследнюю стадию. Если у вас есть что сказать – очень коротко, пожалуйста, вам слово.

M.S. Narikbaev atyndağy KAZGUU Universiteti Құқық жоғары мектебі
010000, Қазақстан Республикасы, Астана қ., Қорғалжын тас жолы, 8,
Т.: 8(7172)703022
e-mail: kls@kazguu.kz

Высшая школа права Университета КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева
010000, Республика Казахстан г. Астана, шоссе Коргалжын, 8
Т.: 8(7172)703022
e-mail: kls@kazguu.kz

M. Narikbayev KAZGUU U niversity Law School
010000, Kazakhstan, Astana c., Korgalzhyn highway, 8
T.: 8(7172)703022
e-mail: kls@kazguu.kz

Докторант Е.Л. Бабаджанян:

Единственное, что я хочу сказать, – поблагодарить каждого из вас не только за сегодняшнее заседание, а за то, что на протяжении десяти лет вы меня вдохновляли. Роман Сергеевич, вы меня обучали. И каждый из вас вложил свою лепту в появление этой работы, за что я вам всем очень благодарна. Не было бы сегодняшнего обсуждения, если бы у меня не было каждого из вас. Спасибо.

Председатель Комитета А. Абылайұлы:

Спасибо. Теперь мы просим остаться членов Комитета по науке, а также специально приглашённых членов Департамента частного права, поскольку вы будете голосовать.

Вам придётся подождать, мы примем решение. Голосовать будут члены Комитета по науке, а также приглашённые участники расширенного состава Комитета. Коллеги, мы приступаем к закрытому обсуждению.

РЕШЕНИЕ КОМИТЕТА ПО НАУКЕ ВШП:

1. Рекомендовать диссертацию Е.Л. Бабаджанян к публичной защите с учетом замечаний и рекомендаций.

Председатель Комитета **А. Абылайұлы**

Секретарь Комитета **О.Р. Котерлин**